

и считали. А помиралъ когда баринъ, — Глафира Алексѣвна... это ужъ въ Крыму было... Ну, что покойниковъ ворошить, царство небесное, Господь съ ними.

И малинку сами варили, барыня? Мастерницы вы стали, обучились, — ягодка къ ягодкѣ, наливныя всѣ. А то и не доходили ни до чего. А чего и доходить, прислуги полонъ домъ былъ. И дома рѣдко бывали, гости вотъ когда развѣ, а то театры, а то балы... Ниночку замужъ выдали... такъ, такъ. Письмецо Катичка читала, въ Америкѣ этой получили. Да маленько, словно, поразстроилась, попеняла, — «всѣ вонъ судьбу нашли, одна я непритычная такая, мыкаюсь съ тобой, съ душой...» Да нѣтъ, любить она меня, а это ужъ такъ. Не ей бы говорить, отбою отъ жениховъ не было, такъ хвостомъ и ходили, и посейчасъ все одолѣваютъ. Да что, милая барыня, и никто ее не пойметъ, чего ей надо, такая безпокойная. Ужъ и натерзалась я съ ней, наплакалась...

А въ Америкѣ апельсиновое больше варенье намъ подавали, а то персиковое. Просила Катичку, — купи мнѣ яблочковъ, вареньица я сварю, — такъ ни разу и не купила. А у нихъ тамъ американское, конечно, варенье, пусто-е... суропъ одинъ надушенный.. и доро-го-е! А свое-то варить не дозволяютъ, Мы тамъ въ номерахъ жили, на самомъ наверху, на двадца-томъ этажу, чисто на каланчѣ, — ну, огня и не дозволяютъ, пожару боятся. Ужъ и высо-та-а!.. — въ окошечко какъ глянешь, сердце и упадетъ. Эти гудѣлки вотъ, — ну, какъ спешешныя коробочки, а человѣка и не разглядѣть, — какъ соръ. Видала-то, говорите... Да ужъ чего-чего не видала. И по морямъ-то меня возили, и со звѣрями въ клѣткѣ сидѣли... Сидѣли, барыня, съ самыми-то страшными, львы-тигры вотъ... истинный Господь. И еще

обезьяна, ножикомъ насъ запороть хотѣла... и какъ царицу ихнюю на огнѣ жгли, глядѣть ходили, гдѣ воть... голые все тамъ ходятъ, а тутъ обвязочка. Скажи другой — сама бы не повѣрила. И чего же надумала, — на еропланахъ подымать меня собралась, съ идоломъ съ тѣмъ, съ американскимъ, съ грубкой все къ намъ ходилъ. Да я наземь упала, не далась. «Нѣтъ, голубушка, ты ужъ, говорю, хоть за небо лети, а я погожу, по землѣ еще похожу». Она-то ужъ летала, сорви-голова стала, — не узнаете и не узнаете. А такое ужъ у ней теперь занятіе... и въ морѣ топиться возятъ, и изъ пистолетовъ въ нее паляютъ, и портреты съ нее симаютъ... — понятно, для представленія, ужъ вамъ извѣстно. Въ такой-то славѣ она теперь... по ихнему — ужъ звѣзда стала, вонъ какъ!

Да съ чего ужъ вамъ и рассказывать — не знаю, отъ очумѣнья никакъ все не отойду. Увижу во снѣ, — опять, будто, въ Америкѣ живу, на тычкѣ сижу, одна-одинешенька... — такъ меня въ потъ и бросить. Да какъ же, барыня... Перво-то время вмѣстѣ мы жили съ Катичкой, и каждый день у насъ съ ней непріятности: «да связала ты меня по рукамъ — по ногамъ, да куда мнѣ тебя, старую, дѣвать...» — характеръ ужъ у ней сталъ портиться. Просилась у ней — «стѣсняю тебя, можетъ, хоть въ Парижъ меня отвези, тамъ знакомые у меня, будто свое ужъ мѣсто, и въ церкву дорогу знаю». Разнѣжится она, «нѣтъ, погоди... и все-таки я къ тебѣ привышна... да ты мнѣ нужна, да какъ я безъ тебя буду?» А и часу со мной не посидить. Убѣжить въ омутъ этотъ страшный по своимъ дѣламъ, а я плачу-сижу, слѣзть-то одна не смѣю, сижу-молюсь, се бы не задавили на низу тамъ. А какъ наказала она себя ждать, а сама за тыщи верстъ улетѣла, на еропланахъ, мигалки воть гдѣ изготовляютъ... воть-воть, въ снима-

то эти, сымаются на картинки гдѣ, я и конца себѣ не чаяла. Абраша, спасибо еще, попался, съ нашей стороны, жидъ-еврей, Тульской губерніи... Да легкое ли дѣло, одна-одинешенька, въ чужомъ мѣстѣ, въ американскомъ, на двадцатомъ этажѣ, сказать по ихнему не умѣю... Ну, наказала себя ждать, съ дилехторами все у ней разговоры шли, велѣла половымъ ихнимъ кушать мнѣ приносить. А они безъ зову не приходятъ, въ разныя имъ пуговки надо тыкать, въ иликтрическій звонокъ. Ткнула разъ, — смерть чайку захотѣлось, — приходитъ арапъ зубастый, давай на меня лаять, по ихнему, и на полсапожки тычетъ, велить скидавать. Все и потѣшались. Три арапа приходили, всѣ одинаки. И обѣдъ-то отъ нихъ принимать непріятно, чисто тебѣ собака принесла. Абраша меня и вызволилъ, взялъ къ себѣ на постой, въ квартирку, деньги-то такія не платить.

Ну, возила она меня въ соборъ нашъ, въ русскій... хорошій такой соборъ, и образа богатые, наши образа, барыня. Все-таки они нашу вѣру почитаютъ. А потомъ меня Соломонъ Григорьичъ провожалъ, Абрашинъ папаша, старичокъ. Ну, маленько отойдешь тамъ, помолишься. А мы тогда, прямо, голову съ Катичкой потеряли, Васенька шибко заболѣлъ, она и помчалась служить молебень, на себя непохожа стала. Да вы его, словно, видали, въ Москвѣ онъ у насъ бывалъ. Да въ Ласковое вы прѣзжали передъ войной къ намъ, два денька гостили, еще баринъ верхомъ съ вами ускакалъ, и до ночи вы катались, а барыня серчала!.. Въ имѣньи у нихъ, у Васеньки, и лошадокъ брали... ну, вотъ, вспомнили. Говорите, какъ я все помню. Гдѣ же всего упомнить, память старая — наметка рваная, рыбку не выловить, а грязи вытащить. Да я и хорошаго чего помню. Васенька въ студентахъ учился, а имѣнье ихъ съ нашимъ рядомъ, миллионеры были, одинъ

сынъ у отца. Вотъ-вотъ, самые Ковровы они и есть, припомнили. Какъ же, и онъ тоже въ Америку попалъ, полковникъ ужъ тогда былъ, а у нихъ въ анжинера вышелъ, хорошую должность получилъ, иликтрическую. Ужъ онъ съ нами канителился, и въ Костантинополѣ, и въ Крыму... спасъ вѣдь отъ смерти насъ! Убѣжить она изъ дому, чего-то имъ недовольна, онъ и сидитъ со мной, и молчитъ. А разъ и говорить:

— «Ахъ, няня-няня... сколько я всего вынесъ, три пули меня прострѣлили — и цѣлъ остался, а Катичка меня измучила!»

Черезъ себя сказалъ, скрытный онъ. Да это, барыня, знать надо, сразу-то не поймете. И нескладно я говорю, простите... голова чисто рѣшето стала. И то подумать: гдѣ меня только не носило, весь свѣтъ исколесила. Я ужъ по череду вамъ лучше, а то собьюсь. Чего, можетъ, и присовѣтуете, душа за Катичку изболѣлась. И пріѣхала-то я затѣмъ больше, правду-то вамъ сказать...

II.

Въ Америкѣ-то очутились? Это я вамъ скажу, а сперва-то я вамъ... Ну, что жъ, позвольте, чашечку еще выпью. Хорошій у васъ чай, барыня, деликатный, а съ прежнимъ все-таки не сравнять. Бывало, пьешь-пьешь, ну, не упьешься, дочего же духовить!

А вѣдь это Господь меня къ вамъ привелъ, Господь. Стою намеренъ въ церкви, на Рю-Дарю, и такая тоска на меня напала... молюсь-плачу. У Мары Петровны я пристала, въ няняхъ она у графа

Комарова раньше жила... Вотъ-вотъ, самый тотъ Комаровъ-графъ, сколько домовъ въ Москвѣ, высокаго положенія. Такъ и прижилась, они ее съ собой и вывезли. Всѣ ужъ у нихъ повыросли, и прожились они тутъ, ни синь-пороха не осталось, а графиня померла въ прошедшемъ году. Теперь одинъ сынъ на балалайкѣ играетъ въ ресторанѣ, офицеръ, а постарше — въ дипломата хотѣлъ попасть, да ужъ разстройка вышла, онъ теперь, Марѳа Петровна сказывала, дальше Америки уѣхалъ. А дочка у высокой княгини платья для показу примѣряетъ, вонъ какъ. Марѳу Петровну знакомые и взяли, — дочка у нихъ за рестораникомъ нашимъ, — ее и взяли за дѣвочкой ходить. И комнатка ей на чердачкѣ, тутъ ужъ такъ полагается. Она меня и пріютила. Правду сказать, не бѣдная я какая, смиловался Господь, за себя плачу... Катичка мнѣ дала деньжонокъ, и не въ обрѣзъ... Деньги-то? Да она теперь, барыня, столько добывать стала, — не сосчитать! И богачи ихніе къ ней сватаются все, она только не желаетъ. Такія чудеса, никто и не повѣритъ.

Ну, стою въ церкви и плачу, себя жалѣю... бо-
знать чего надумываю: вотъ, дожила... обгрызоч-
комъ за порожкомъ стала, никому не нужна. Съ
думы такъ. И за Катичку-то тревожусь, какъ она
тамъ одна. Катичка-то? Да очень любить, и уѣзжа-
ла я — плакала... да, говорится, одна слеза кати-
лась, другая воротилась... молода, вѣтеркомъ обду-
стъ, и... Пойду, думаю, поставлю свѣчку Николѣ
Угоднику-батюшкѣ, забыла ему поставить. А онъ
сколько спасалъ-то насъ, съ иконкой его такъ и по-
ѣхала изъ Москвы... старинная, отъ тятеньки покой-
наго. Такъ это въ умъ мнѣ — пойду-поставлю! А
ужъ и обѣдня отходила, «Отче нашъ» пропѣли. Под-
хожу къ ящичку свѣчному, а вы меня и окликнули.
Я даже затряслась, какъ вы меня окликнули — «ня-

ничка!» И какъ вы меня узнали, неужъ по голосу... разговоръ у меня такой, тульской все? А-а, по «смо-родинкѣ» по моей... ишь, вѣдь, упомяли! А я бы васъ нипочемъ бы не признала. Чисто смородинка у меня на ликѣ, ваша Ниночка все, бывало, — «няня-смо-родинка», звала... а то — «родинка-уродинка». Вотъ и пригодилась уродинка.

Ниночка-то ничего живетъ? Такъ-такъ, за шо-феромъ, офицеръ тоже былъ. Такъ, такъ... красоту дѣлать обучается. Слыхала, какъ же, барышнямъ щеки натирають, боту дѣлають. Ну-къ что жъ, что небогато живутъ... а кто теперь богато-то живетъ! Сыты, одѣты, обуты, — и слава Тебѣ, Господи. Катичка и въ богатствѣ вонъ, а... Мало чего она Ниночкѣ напишетъ, а сердечко ея я знаю. А чего она можетъ написать? При мнѣ и писала, на одной ногѣ плясала, все некогда. Видите, какъ я вѣрно. — от-крыточку... не любить она толкомъ написать, знаю ее характеръ. Недолго наживетъ она тамъ, съ аме-риканцами, до первой обиды только. Мнѣ Абраша сказывалъ, а ужъ онъ тамъ всѣ-то дырки облазилъ, ихніе порядки знаетъ:

— «И зачѣмъ васъ барышня пускаетъ отъ себя, мамаша дорогая!» — все онъ меня такъ — мамаша дорогая. — «У насъ здѣсь одинъ разговоръ... то ли ты горло кому перегрызи, то ли тебѣ голову оторвутъ!» — такъ все говорилъ. — «Старинный глазъ тутъ нуженъ, а то барышню могутъ оскандалить, которая красавица и безъ свидѣтелей, и отъ суда откупятся».

И папаша его, съ кѣмъ вотъ ѣхала я оттуда, Соломонъ Григорьичъ, хорошій такой мужчина, ужъ старичокъ... нашъ тоже, тульской, портной изъ Тулы военный, тоже сбѣжалъ отъ ихнихъ поряд-ковъ, не могъ привыкнуть. А человекъ терпѣливый,

во всѣхъ квасахъ, говорить, мочень. Такой-то жалѣ-
тель душевный оказался... Ъхали мы съ нимъ на ко-
раблѣ, семеро сутокъ по морю-океяну ѣхали, вотъ
я тошнилась, — помру, думала. И онъ со мной ря-
дышкомъ тоже тошнилъ, все меня утѣшалъ:

— «Охъ, чуточку потерпѣть осталось, Дарья
Степановна... охъ, зато отъ Америки этой дальше
уѣзжаемъ, бѣль-свѣтъ увидимъ...» — все меня раз-
влекалъ.

А его другой сынъ выписалъ къ себѣ, въ ихнія
палестины, въ Старый Ерусалимъ, — и у нихъ тоже
тамъ святое мѣсто. Про Катичку-то я вамъ... И рва-
лась я оттуда, а ради Катички ужъ терпѣла, какъ я
ее одну оставлю. Дѣвочка она красивенькая, при-
влекающая, такъ кругъ ее и ходять, зубами шел-
каютъ... ну, долго ли съ путя сбиться. А она на та-
комъ виду, при такомъ парадѣ теперь... И всего
тамъ за деньги можно, а де-негъ тамъ.. душу ку-
пятъ и продадутъ, и въ карманъ покладутъ, вотъ
какъ. Она и бойка-бойка, а и на бойку найдутъ опой-
ку. Говорится-то — на тихаго Богъ нанесетъ, а бой-
кой самъ себѣ натрясетъ. Ну, она меня ужъ и отпу-
стила, и попутчикъ такой надежный, Соломонъ Гри-
горьичъ. Поняла, можетъ, что погибать мнѣ съ
ними, не миновать... ну, непричальна я къ тѣмъ по-
рядкамъ, къ американскимъ ихнимъ. Да и Васеньку-
то она заканителила, и идоль тотъ навязался, — ро-
манъ и романъ страшный. Ужъ какъ все расканите-
лится — не скажу. Не подумайте чего, барыня... она
вотъ-какъ не желала меня пускать, а я все... такъ
ужъ Богу угодно, мысли все у меня такія были —
поѣхать надо. Ночи не спала, все думала — поѣхать
и поѣхать, совѣта попросить. Да вотъ, про Катичку-
то... Да сразу, барыня, не понять, это все знать
надо. Идоль тотъ, думается мнѣ такъ, зубъ на меня
точилъ. А вотъ, ее все, молъ, оберегаю. Онъ, мо-

жетъ, и уговорилъ Катичку отпустить меня, правды-то всей не знаю. Да еще я, барыня, поугатъ ее, просилась-то, отвезти-то меня, а сама нипочемъ бы не уѣхала, своей-то волей. Да нѣтъ, ничего, барыня, не путаю, а... на мысли вступило мнѣ, поѣхать и поѣхать по одному дѣлу. Да дѣло-то не важное, а... Ужъ и натерпѣлась я тамъ, наплакалась-наглоталась. Ну, она мнѣ и... — «что жъ, поѣзжай, тамъ тебѣ повеселѣй будетъ...» — дозволеніе и дала. И люблю ее, а поѣхала... будто такъ надо, въ мысли набилось мнѣ. Можетъ, чего и выйдетъ, къ лучшему. Да и правда: тутъ-то я хоть въ церкву схожу, душу отведу, а тамъ, какъ привязанная я словно, да напужена-то, шумъ такой... чистый адъ! И всѣ будто сумашедчіе какіе, слова добраго не услышишь, дѣла до человѣка нѣтъ. Тутъ народъ, барыня, вѣжливыѣй, сравнять нельзя: и улицу покажутъ, и... Уѣхала я, вотъ и ее, можетъ подманю: соскучится по мнѣ — скорѣй пріѣдетъ.

Не окликните вы меня, такъ бы я васъ и не разыскала. Былъ у меня адресокъ на бумажкѣ вашъ, Катичка дала. Провела меня Марѳа Петровна до земной дороги, подъ землю лѣзть, въ вагонъ посадила, наказала пять станцій считать и вылѣзать. Ну, вывели меня изъ-подъ земли, стала бумажку совать человѣку одному, а вѣтромъ ее и выхлестнуло. А тамъ омутъ чистый, автомобили гудутъ, вагоны крутятся, — завертѣло мою бумажку подъ колеса. Искали съ ихнимъ городovýmъ, и человѣкъ тотъ съ нами ходилъ-искалъ... хорошіе, спасибо, люди попались, вникающіе. Объясняю имъ — а-дристь улетѣлъ, ф-фы! — поняли, пожалѣли — не нашли. Поѣхала я назадъ къ Марѣ Петровнѣ. Спасибо, карточка хозяйина ее была съ адрескомъ, а то бы и ее не нашла. Да еще молодчикъ одинъ на меня поинтересовался, призналъ — русскаго я роду, шоферъ: «садитесь,

бабушка, я васъ доставлю въ сохранности, куды вамъ?» Заплакала я, прямо. Довезъ акурать до квартиры, ни копѣечки не взялъ. — «У меня, говорить, мамаша теперь такая же старушка, въ Россіи нашей». Ужъ такой обходительный, сурьезный, изъ офицеровъ тоже. А въ церкви вы меня и опознали, Господь привель.

Въ Америку-то какъ попали? А развѣ Катичка Ниночкѣ не отписала? Правда, голову ужъ она тутъ потеряла, Васенька заболѣлъ. Да вы сразу-то не поймете, идолъ тотъ замѣшался. Идолъ-то... Да онъ, можетъ, и ничего, а вродѣ какъ шатушій, лизунъ. Это онъ меня такъ прозвалъ — и-долъ! — осерчалъ. Привела его Катичка меня показать, чисто чуду какую... много ему про меня наплела, что вотъ не можетъ безъ меня быть, — то-се. При немъ меня и поцѣловала, стала нахваливать, по голоску ужъ слышу. А онъ ощерился, и пальцемъ въ меня — «и-долъ!» — говорить. А Катичка послѣ сказала — «иконкой» она меня назвала ему. Она меня, бывало, — «иконка ты моя, не могу я безъ тебя!» — это ужъ какъ разчѣжится. А тотъ на меня — и-долъ! — почитаетъ, дескать, она меня шибко! А самъ вродѣ какъ истуканъ, лицо такое непріятное, кирпичомъ, никогда и не улыбнется, зубы покажетъ только, какіе-то они у него... желѣзные словно, а не золотые, смотрѣтъ даже непріятно. А бога-ачъ... денегъ некуда дѣвать, полны подвалы. Всѣ при дѣлѣ тамъ, а онъ надоѣлъ звонками. Много ужъ за сорокъ ему, и одутый, а навязался и навязался. И со всѣми дилекторами, будто, знакомъ, сымаются вотъ гдѣ. Гдѣ ужъ она его сыскала, — не отдѣпляется, такъ вотъ и стерегетъ. А она потѣшается: идолъ къ намъ, она Васеньку вызвонить, повертится передъ ними и убѣжить. Они и сидятъ, какъ глупые. Говорила ей — «навязался человѣкъ, безъ путя ходить... да ну-ка

сиде женатый!» Да ужъ она волю-то взяла, узды на нее нѣту, развѣ она словъ слушаетъ. А ей голову закрутили, во всѣхъ вѣдмостяхъ печатаютъ, шмыгалы къ намъ повадились, карточки съ ее щелкаютъ... — ужъ она показная стала. А де-негъ у него... ни въ какіе банки не укладешь, самъ будто дѣлаетъ! Не вздоръ, барыня, а сущая правда. А, можетъ, и нахвасталъ. Заѣхалъ какъ-то, въ телефонъ покричалъ минутку и говоритъ Катичкѣ: «сейчасъ я на ваше счастье миліенъ сдѣлалъ!» А она повернулась такъ, гордо ему — «что мало?» — и ушла, ни слова не говоря. Онъ глазами на меня похлопалъ, я ему и сказала: «и нечего, батюшка, вамъ тутъ, лучше бы домой шли». Съѣсть хотѣлъ меня, прямо. Чего ужъ она наболтала про меня, только онъ меня не влюбилъ.

Все и думала — господъ бы Медынкиныхъ пострѣчать, про васъ. А гдѣ вы — и знать мы не знали, живы ли. Оборвется, думаю, у насъ съ Катичкой, гдѣ намъ искать защиты? А вы съ Катичкой ласковы всегда были, подарки какіе всегда дарили, — помога не помога, а все ей совѣтъ дадите, и все-таки одержка, очень она своевольная, меня не слушаетъ... и съ Васенькой, можетъ, уладили бы дѣло. Другой бы ее сразу обломалъ, а онъ благороднаго характера, все терпѣлъ. А какъ заноза въ нее засѣла... Да это по череду сказать надо, а то не поймете. А это артистъ одинъ, бариновъ адресокъ Катичкѣ сказалъ, на лавочку, она и отписала Ниночкѣ. Артистъ-то? Онъ барину на лавочку писалъ, а баринъ и не отвѣтилъ. Нѣтъ, фамилію не упомяну, а какая-то мудреная... Мен-дриковъ, что ли? и еще какъ-то... Кандриховъ?.. Двѣ у него фамиліи, будто. Все бухвостиль:

— «Я у нихъ на Ордынкѣ театры игралъ, безъ ума всѣ отъ меня были, а Варвара Никитишна пер-